

Из истории Воронова

Село Вороново получило свое название от речки Вороновки, на холмистых берегах которой оно раскинулось. До 40-х годов XVIII века это была родовая вотчина дворян Волынских — смелых и преданных московским князьям «служилых людей». Родоначальником крепкого семейства считается знаменитый воевода Дмитрий Донского, герой Куликовской битвы Дмитрий Боброк-Волынский.

Первым же известным нам владельцем усадьбы Вороново был седьмой в роду Волынских Александр Иванович Воронов-Волынский, правнук Михаила Григорьевича, жившего при Иване III и получившего за черные волосы прозвище Вороной, почему его потомки именовались Вороновыми-Волынскими.

Среди потомков Бобрка-Волынского, которые были владельцами Воронова (оно впервые упоминается в документах XVII в.), — Артемий Петрович Волынский, известный прежде всего по роману И. Лажечникова «Ледяной дом».

А. П. Волынский стал владельцем Воронова в 1726 году. Именно при нем начался расцвет усадьбы, достигший своего апогея к последней четверти XVIII века. Ныне время стерло в Воронове следы хозяйственной деятельности А. П. Волынского, однако можно с уверенностью предположить, что он управлял Вороновом так же энергично, как и остальными своими имениями. Косвенным свидетельством является подробнейшая «Инструкция дворечному Ивану Немчинову о управлении дому и деревень», составленная А. П. Волынским еще в 1724 году. Этот интереснейший документ показывает, что буквально во всех сферах сельского

хозяйства — агрономии, лесоводстве, садоводстве — сановный автор был на уровне лучших достижений своего века.

После казни А. П. Волынского усадьба была конфискована, затем по воцарении Елизаветы Петровны возвращена его детям.

Строительство усадьбы связано с именами Карла Бланка и Николая Львова.

К. И. Бланк построил в Воронове церковь и «голландский домик» — одну из удивительно красивых построек Подмосковья.

Н. А. Львов — один из замечательнейших русских людей второй половины XVIII века. Это был ученый-энциклопедист, архитектор, художник, поэт. Большинство его проектов осталось на бумаге, самые значительные постройки (Борисоглебский монастырь в Торжке, Иосифовский собор в Могилеве) были затеряны в провинции.

В Воронове же Н. А. Львов создал грандиозный дворец. Существующее ныне здание только отдаленно напоминает его. Весь комплекс состоял из главного трехэтажного корпуса и двух боковых флигелей, соединенных с ним двухэтажными галереями. Фасад дворца украшен портиком с восьмью ионическими колоннами. Торжественный грандиозный замок стоял в глубине парка близ калужской дороги. Его облик поражал современников — они были почти все единодушны в том, что этому дворцу место в столице или по крайней мере в губернском городе.

Перед дворцом и за ним до наших дней сохранилась часть обширного вороновского парка с тремя аллеями, террасами, спускающимися к пруду. Это

так называемый ландшафтный парк, имитирующий живую, не тронутую рукой человека природу. Такие парки появились во 2-й половине XVIII века. Основной осью парка в Воронове является длинная липовая аллея, идущая вдоль большого искусственного пруда. Без широких зеркальных водных пространств русские парки просто немыслимы. Они навевают удивительное поэтическое настроение — стоит только прогуляться по заросшим травой берегам с маленькими бухточками и крошечными мысами. Особенно радуют глаз островки, вырастающие из воды, как маленькие горки.

В 1800 году усадьбу купил за 300 тысяч рублей граф Ф. В. Ростопчин, генерал-губернатор Москвы во время Отечественной войны 1812 года. Это был выскочка, сделавший карьеру при Павле I.

У О. Кипренского есть портрет Ф. В. Ростопчина. Мы видим человека с начинающейся лысиной, кокетливыми бачками и слегка выпученными глазами. Весь его облик пронизан фатовством и поверхностным актерством. Актером он был всю жизнь, причем с ярко выраженной склонностью к водевилю. Современники считали, что «у него два ума — русский и французский, и один другому вредит».

И вот волею судьбы этот человек в 1812 году оказался московским главнокомандующим.

Из Москвы Ростопчин ушел вместе с М. И. Кутузовым в арьберггарде русской армии. Миновав Коломенскую заставу, когда уже было известно, что неприятель вступил в Кремль, он театрально произнес: «Занавес опустился, моя роль сыграна».

Ночь на 20 сентября М. И. Кутузов со своим штабом провел в Воронове. С ним вместе был и Ростопчин. Утром усадьба загорелась, ее поджег сам владелец. Изумительный дворец Н. А. Львова погиб в огне. Озлобленный порыв титулованного самодура и неудавшегося временщика лишил русскую культуру одного из прекраснейших памятников.

После смерти Ф. В. Ростопчина Вороново перешло к его сыну Андрею Федоровичу, женой которого была Евдокия Петровна Сушкова, известная поэтесса того времени, подруга юности М. Ю. Лермонтова. В 1841 году перед последним отъездом на Кавказ он написал ей:

Я верю, под одной звездой
Мы были с вами рождены,
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.

Е. П. Ростопчина явилась последней интересной фигурой, чье имя было связано с Вороновом. Е. П. Ростопчина была

одной из немногих, дерзнувших открыто выразить свое сочувствие декабристам. Ее стихотворение «К страдальцам» широко ходило в рукописи, и она сама передала его в 1835 году декабристу З. Г. Чернышеву. Самая же известная ее «история» относится к 1846 году. В официальном органе Ф. Б. Булгарина «Северная пчела» поэтесса опубликовала стихотворение «Нервный брак». Цензура просмотрела его аллегорический смысл, но вскоре, не без участия автора, он был расшифрован. Е. П. Ростопчина «нервным браком» достаточно едко назвала правительственную политику русифицирования Польши. Николай I пришел в ярость. Он даже публично приказал Е. П. Ростопчиной покинуть придворный бал, на который та осмелилась явиться. После этого скандала, когда все двери большого света перед ней закрылись, поэтесса с мужем безвыездно живет в Москве и каждое лето проводит в Воронове. Из стихов того периода были популярны «Русские женщины» (1855) со строками:

Мы носим на оборке бальной
Оброк пяти, шести семей, —

которые стали крылатыми.

Ростопчины продают Вороново в 1856 году. Оно меняет ряд владельцев и, наконец, в конце XIX века переходит к Шереметевым. Новые хозяева значительно перестраивают главный дом. Усадебный дом стал напоминать своим внешним видом какой-нибудь из московских вокзалов — Павелецкий или Рижский. Но и в таком виде до наших дней Вороново не дошло. В 1949 году главный дом вновь был перестроен, и, откровенно говоря, к лучшему: он опять стал похож на характерную усадебную постройку 20—30-х годов прошлого века.

Таково прошлое этого удивительного места Подмосквы...

В. А. Киприн, В. И. Новиков